

Фрагмент из романа Игоря Станойоского

ГАРГАРА¹

Кафе обретенной любви

Нервно поглядывая на часы, я летел к памятнику Данилу Галицкому. 13:15! Я опаздывал на встречу с Кристиной на 15 минут и еще с трудом пробивался через толпу. В центре города-миллионника бурлила суматоха из трамваев, автомобилей, велосипедов, жирных теток, попрошаек и красивых подружек, держащихся за руки.

В издательство «Муза» мы попали на полчаса позже, чем договаривались. Помещения, которые занимало издательство, находились в старом жилом доме в начале улицы Князя Романа. В обтянутую дермантином дверь постучать было невозможно, а звонок не работал. И только Кристина начала искать имя своего отца в списке контактов в мобильном, через дверь начал пробиваться слабый сноп света и сильный запах гнилого дерева.

– Здравствуйте! Входите! Как поживаете? – он подал мне свою стариковскую руку, – Геннадий Ковалюк.

– Очень приятно! Меня зовут Орест, – представился я.

Кабинет насквозь пропитался духом другого времени. Буквально все в нем выдавало отца Кристины, а именно, что это всего лишь гостиная одинокого старика, который упорно не хочет уходить на пенсию, как бы он ни старался показать мне, что это – его кабинет. На рабочем столе находились книги и листы бумаги, которые, как мне сразу же показалось, лежали там месяцами. Мебель, которая

¹ Македонский: *гаргара*, русский: *полоскание горла*, испанский: *gárgaras*, английский: *gargle*, французский: *gargarisme*.

точно была сделана до 1900 года, точили черви. Пока Геннадий потихоньку пошел включать чайник, мы присели на диван, похожий на тот, который я видел в детстве у бабушки. Мне стало легче, когда я понял, что мое опоздание к памятнику Даниле Галицкому не имело абсолютно никакого значения. Геннадию просто пришлось снова подогреть остывшую воду.

– Вы интересовались книгой из «Гаргары», – неожиданно деловито выпалил Геннадий.

Я непонимающе посмотрел сначала на Геннадия, а потом на Кристину, как будто мне требовался перевод.

– Кристина говорила, что Вы придете за книгой из подземного кафе из 60-х.

– Да, мы говорили о чем-то таком, – заколебался я. Я и сам не был уверен, что мой визит в «Музу» имеет какой-либо смысл. Я пришел с убеждением, что могу лишь что-то получить, но не потерять. В любом случае, время, проведенное с Кристиной, никогда не было для меня потерянным.

– Еще со времен своего открытия кафе «Гаргара» было самым мистичным во Львове. Но не закрытие, а именно ее исчезновение обеспечило ей место среди самых больших тайн этого города. Орест, положи себе сахару в чай, – это отступление Геннадия было намеренным, как только он увидел, что в моих глазах зажегся огонек любопытства. Сев в кресло и отхлебнув чаю, он продолжил свой рассказ, на этот раз с самого начала:

– «Гаргару» открыл в 1962 году человек, которого звали Иван Владимирович. Владелец «Гаргары» – это личность, покрытая тайной. Известно, что до того, как открыть кафе, он зарабатывал на жизнь играя на виолончели в церковном оркестре, но я никогда не слышал,

чтобы кому-либо было известно, в какой церкви он играл, а также и то, что во львовских церквях вообще играли на таком инструменте. Вся его семья постоянно подвергалась репрессиям режима. Их дом на проезде Кривая липа номер 7 в то время был одним из многочисленных любимых пристанищ КГБ. Как-то утром лежа на спине и брэнча виолончели как ребенок, Иван Владимирович придумал «Гаргару». В тот же вечер он, по горло в пыли, начал расчищать подвал. За три ночи упорной подземной работы у него появились две миниатюрные комнатки и одна побольше, около сорока квадратных метров. Его комнату в квартире на третьем этаже наполняли банки с консервацией, принесенные из подвала. Ивану Владимировичу было уже все равно, как выглядит его жилище. В тот миг, когда он создал под землей «Гаргару», для него перестало существовать все, что выше нулевого метра. Он переехал в подземелье. Не знаю, насколько вам двоим это известно, но в подземельях Львова существуют коридоры длиной в несколько километров и разные помещения, три четверти, как минимум, из которых еще не открыты. Когда-то говорили, что существует утерянная карта подземного города, который находится под Львовом. Считалось, что тот, у кого есть утерянная карта подземелий, может контролировать жизнь в городе. В это время, как раз, контроль всех и всего был особенно актуален. Все мы постоянно находились под слежкой, жили от допроса до допроса. 2-3 года назад... в 2001 что ли... исследователи подземелий открыли 5-метровую акустическую трубу для подслушивания, вмонтированную в пол Преображенской церкви как раз в том месте, где верующие исповедуются.

- Знаете ли Вы что-нибудь о том, как выглядела «Гаргара»? - Меня интересовало было ли что-либо оригинальное в ее интерьере, что я мог бы использовать.

- Лично я никогда не был в «Гаргаре», а все, что я знаю о том, как она выглядела, это всего лишь рассказы. Мне говорили, что не с самого начала, а немного позже в «Гаргаре» появилась живая музыка, чаще всего играли на фортепиано и скрипке. Мне это кажется странным, поскольку в таком маленьком помещении трудно найти место для музыкантов. Конечно факт, что я никогда не был в «Гаргаре», но о величине подвалов под домами на Кривой липе мне хорошо известно. В кафе было десять столиков, два-три из которых от швейных машин. На стенах висели обрамленные плакаты Элвиса Пресли и Мэрилин Монро, которая и умерла в 1962 году, и Рея Чарльза, умершего на днях. Название «Гаргара» Иван Владимирович выбрал благодаря его эффектному звучанию, также оно символизировало одну из основных потребностей интеллектуалов того времени. На первой странице книги жалоб и благодарностей было написано: *«В «Гаргару» приходят те люди, самой большой потребностью которых является выполоскать рот, горло и душу от ежедневной порции дерьма, которую они получают от власти, страдая от несправедливости и угнетения».*

Владельца «Гаргары» я видел дважды. Обе встречи произошли в 1963 году и были связаны с изданием его книги. В то время наше издательство было самым известным из издававших украинскую литературу. Уже тогда издавали в основном русскоязычных авторов. Первый раз мы с Иваном Владимировичем встретились в конце июня. Он пришел ко мне поговорить и сидел там же, где сейчас сидите вы. Еще при первой встрече я запомнил

ощущение, что этим человеком владеет какое-то святое умиротворение. Я не мог угадать, сколько ему лет. Внешне он выглядел на двадцать семь-двадцать восемь, но после разговора у меня сложилось впечатление, что он более зрелый. Лицо его мне было знакомо, я все себя спрашивал откуда. Если и тогда не вспомнил, теперь уже точно не вспомню. Он сказал, что хочет издать книгу. Это естественно, именно за этим к нам и приходят. Когда он истолковал мне идею полностью, я посмотрел на него скептически. Иван Владимирович хотел издавать не свою книгу, он хотел издать книгу жалоб и благодарностей из своего кафе. Я подумал, что это – маркетинговый ход для его кафе.

Достоверно неизвестно, по каким каналам Ивану Владимировичу удалось распространить информацию о существовании «Гаргары», но она, все же, хранилась в тайне. Я понимаю, что тогдашние, так сказать «хиппи» или «альтернативщики» (используя более позднюю терминологию, поскольку ни один из этих терминов в то время не употреблялся) вращались в узких кругах, но даже невозможно представить себе, чтобы эти общества возникли на основе объекта общественного питания, а КГБ об этом не узнало. Это невозможно! В то время существовали разные объединения, например, в Пороховой башне собиралось так называемое объединение шахматистов. Участниками были украинские националисты, которые там собирались как бы поиграть в шахматы. Но и в этом случае снятие масок было лишь вопросом времени.

Иван Владимирович старался придать «Гаргаре» все атрибуты объекта общественного питания. Между прочим, уже в самом начале рядом с меню он разместил и книгу жалоб и благодарностей. Такая книга может быть полезной

для хозяина, который редко заходит в свое кафе. Но о чем могла рассказать книга жалоб и благодарностей Ивану Владимировичу кроме того, что он сам видел, сидя каждый вечер в кафе с одними и теми же гостями? Он только в первый месяц и проверял, что гостей веселит, а что нервирует. Кроме нескольких афоризмов, одного анекдота, двух-трех настоящих благодарностей «Гаргаре», ничего другого он там не нашел. Поэтому, как и сейчас, когда открываешь в Интернете какую-то веб-страницу и через время понимаешь, что она обновляется очень медленно, перестаешь ее посещать. Так и Иван Владимирович перестал открывать книгу жалоб и благодарностей, – здесь Геннадий сделал небольшую паузу, лукаво улыбаясь, с гордостью старика, который разбирается в Интернете.

– А когда открыл ее через три месяца, она была исписана практически полностью. Рядом с глупыми афоризмами и записями о том, что кто-то кого-то любит, что кто-то был здесь, официантка не улыбнулась или что у нее красивая грудь, четко отличались две рукописи, которые и составляли девяносто процентов всей книги. Очевидно, что двое гостей имели особую потребность рассказать свою или чью-то историю жизни. Писание – это тоже вид омовения души.

Иван Владимирович живо заинтересовался написанным. Он сразу же понял, что это ни жалобы и ни благодарность за хорошее обслуживание в «Гаргаре». Это были две истории, два жизненных пути, рассказанные на двух разных языках. После быстрого просмотра он решил, что тексты, написанные на русском, писала женщина. Другие тексты были написаны на чешском или словацком. Это Иван понял, глядя на черточки, обозначающие длину – они есть в

чешском, словацком и венгерском, но это был славянский язык.

Размяв шею, я попытался освободиться от дрема, в который меня погружал приятный тембр старика, в то время как аромат никотина и вишни заполнял мой нос. Кристина курила коричневую сигарету, уставившись в неопределенную точку, как будто она знала эту историю на память или она была ей неинтересна. Но, зная Кристину, я понял, что это всего лишь стиль поведения 23-летней самоуверенной девушки-всезнайки. Геннадий продолжал:

- Сначала прочитал то, что было написано на русском. Это был автобиографический рассказ на пятьдесят страниц о маленькой девочке, пережившей Аушвиц. Ее вместе с семьей забрали в лагерь. В своем рассказе, полном потрясений, она описала унижения матери, мучительную работу, садистские убийства и издевательства над людьми в лагере. Отца убили позже. Когда она его видела в последний раз, он выглядел похудевшим на 30 килограммов. Она выжила случайно, но «не для того, чтобы жить, а для того, чтобы мучиться и дальше». Освободившись из Аушвица, она переехала во Львов, который, теряя свою польскость, становился украинско-советским. Во Львове она окончила школу и университет. Жизнь после войны текла как после победы, а она, нося татуировку с номером из Аушвица, шрам на левой щеке и глубокие раны в душе, которые сотрясали до безумия нервную систему, никогда себя не чувствовала победителем. Во Львове она вышла замуж. Потом продолжала свой рассказ о жизни в браке без любви. Чувствуя потребность в замене неполученной родительской заботы, желая впервые в жизни ощутить настоящую защиту

от проклятия человеческой природы она вышла замуж за сильного и влиятельного мужчину, сотрудника КГБ. Она надеялась, что свою силу он будет применять против других, а не против нее. Она ошибалась и вскоре перестала испытывать какую-либо радость от брака.

Ивана Владимировича заинтересовал другой рассказ. Он чувствовал, что неслучайно два человека одновременно столько рассказывают в одном и том же кафе, в одной тетради только для того, чтобы выписаться. Он не смог разобрать написанного и однажды пошел с проезда Кривая Липа в университет им. Ивана Франко. Я не знаю по какой причине, хотя, возможно, я бы и угадал, но вход в университет для Ивана Владимировича был запрещен. Он поднялся на второй этаж на кафедру славистики. Руководитель кафедры, богемист, в рукописи распознал чешский язык. Иван Владимирович отдал месячный заработок «Гаргары» за перевод, а богемист пожаловался на плохую рукопись, но не смог отказаться от денег.

Автор этого рассказа начал описывать свою жизнь с самого детства. Его звали Сарафил, он родился в 1932 году в деревне недалеко Салоник в Греции. Жизнь в деревне он изобразил светлыми красками. Необычайно подробно он описывал дружбу с девочкой из деревни, Марикой, вероятно одного с ним возраста. Он рассказывал об играх, в которые играли, и как, купаясь в реке, спрятавшись около ручья, поклялись однажды вместе сбежать из села и жить в Салониках. Их дома находились напротив, на двух холмиках. Расстояние по линии воздуха составляло пятьдесят метров. Каждое утро после пробуждения он выходил из дома, смотрел, что происходит в доме напротив и уходил за дом помочиться. Быстро чем-нибудь перекусывал и незаметно убегал, чтобы встретиться с нею. Она делала то же самое. От

холма до холма они общались при помощи зеркал, придумав, так сказать, свой язык.

Однажды утром, заглянув во двор напротив он увидел, что там никого нет. Никто не объявился ни в обед, ни после обеда. Вечером свет тоже нигде не включали. В селе случается, что целый день никого во дворе не видать, потому что все ушли в поле или на сенокос. Но вечером хотя бы в одном окошечке обязательно начинает трепетать свет от керосиновой лампы. После этого дня Сарафил каждый день заглядывал во двор напротив. На бельевой веревке висела одна рубашка. Больше не было ни одного следа Марики. Это продолжалось целую вечность. Он никого не спрашивал, где Марика. Еще сызмальства он стыдился дружбы с ней перед старшими братьями и друзьями. Он понял, что если с него смеются и дразнят «Сарафил и Марика», значит – это стыдно. Он не выдержал и спросил у своего отца, тот ответил: «Они поехали в Салоники к родственникам, вернутся еще», – таков был первый ответ. Второй через две недели гласил: «Они переехали в Салоники». Сарафил чувствовал, что его отец что-то скрывает. Не могла Марика уехать в Салоники без него – она ему обещала. Была ли Марика в Салониках или где-то еще, но в селе она больше так и не появилась. Рубашка во дворе висела целый год, пока ветер не сорвал ее вместе с веревкой и не снес столб, к которому она была привязана. Проходили годы, а Сарафил уже привык с утра по дороге в туалет заглядывать во двор, перед обедом заглядывать во двор, после обеда заглядывать во двор и вечером тоже заглядывать во двор. Он и на мать свою не смотрел столько раз, сколько заглядывал в окошко дома Марики. Сейчас во Львове в книге жалоб и благодарностей Сарафил спрашивает, на самом ли деле это все происходило,

действительно ли существовала Марика? Была ли Марика девочкой или, может быть, ангелом, привидением, детским сном? В селе тоже начали забывать о том, что в этом доме когда-то кто-то жил. У Сарафила сжалось сердце, когда соседи Стевановцы, у которых сгорел сарай, начали косить поросшую травой дорожку к дому Марики, чтобы сделать себе сарай из него. Годы после исчезновения Марики проносились беспокойно. В 15 лет Сарафил потерял два пальца левой руки, когда нашел во дворе зажигалку. Оказалось, что этот взрыв был устроен намеренно. И это лишь одна из целого ряда угроз, что если они останутся жить в Греции как македонцы, то должны будут принять именно такую жизнь, с проблемами. Когда ему было 16, вместе с большой группой детей, среди которых была и его трехмесячная двоюродная сестра, все уехали от родителей и с родной земли. Сарафила безопасно отправили в Югославию, а оттуда – в Чехословакию.

В Чехословакии он получил образование, окончил среднюю школу. В книге жалоб и благодарностей он описывает приятные воспоминания о школе в Брно, а особенно душевно – дружбу и первый любовный опыт с красивыми одноклассницами. Он отличался от чехов черной кудрявой буйной шевелюрой. Чешки периодически заставляли его поверить, что греки оказали ему хорошую услугу геноцидом. К сожалению, интеллигентные молодые люди, кроме потребности развлекаться, также имеют потребность выражать свое только что сформировавшееся мнение о некоторых общественных явлениях. Бунт против недемократичного отношения в школе и стране, против абсурдов чехословацкого социалистического бытия лишили его возможности поступить на философский факультет. Невозможность построить карьеру и давление, оказываемое

коммунистами и переселенными греками, заставили его попытаться счастья во Львове, где в подземном кафе «Гаргара» он и описал историю своей жизни.

Иван Владимирович начал размышлять о том, чтобы издать книгу жалоб и благодарностей в форме романа. Это две жизненных истории, объединенные борьбой за демократию и права человека. Книга жалоб и благодарностей в «Гаргаре» изначально предназначалась для фиксирования недостатков обслуживания и управления подземным кафе, а стала свидетельством двух серьезных преступлений против человечества 40-х годов. «Такой роман с хорошим предисловием имел бы успех», – убеждал меня Иван Владимирович на первой нашей встрече.

Я и вправду не был уверен, что ему ответить. С одной стороны, идея была оригинальной, но с другой – этот несознательно написанный роман по своей концепции может стать совсем неудачным. Мы договорились, что Иван Владимирович начнет работать над предисловием, чтобы сгладить неровности и концептуальный беспорядок, и каким-то образом объединить всех рассказчиков.

Шел 1963 год. В это время, после целого года успешного сокрытия в подземелии, о «Гаргаре» становится известно двум агентам КГБ, Желвакову и Панчишину. Его квалифицировали, как общество сектантов – украинских националистов и наркоманов, предводителем которого был молодой аутсайдер и виолончелист, играющий в церкви, который и ранее подозревался в распространении антисоветской пропаганды. Единственное, о чем им было неизвестно, это месторасположение «Гаргары». Давление, угрозы и допросы усиливались. Для Ивана Владимировича, как и для некоторых гостей «Гаргары», жизнь становилась

кошмарной. Летом 1963 года множество постоянных гостей просто боялись приходить.

Книга жалоб и благодарностей, как готовое художественное произведение, хранилась в надежном месте, поскольку могло появиться КГБ или ее могли испортить пьяные клиенты, когда женщина в возрасте около 30 лет, с одной красивой щекой и со шрамом на другой, попросила ее у официанта. Он, загипнотизированный глубоким взглядом и какой-то эротической мистичностью этой женщины, нарушил распоряжение Ивана Владимировича о том, чтобы никому не давать книгу.

Этим же вечером книга отправилась ночевать за пределы «Гаргары», в квартиру Ивана Владимировича. Утром он должен был принести мне книгу, перевод с чешского на украинский и свое предисловие. Мы договорились о встрече возле памятника Данилу Галицкому в 10 часов, если я не ошибаюсь. В книге не было элементов, которые не были бы пропущены цензурой. Все было хорошо, если выбросить, само собой разумеется, вступление: «В «Гаргару» приходят те, у кого есть потребность очистить рот, горло и душу от ежедневной порции дерьма, которую они получают от власти, страдания от несправедливости и угнетения». В этот же день «Гаргара» должна была прекратить свое существование. Кроме того, что она представляла опасность для жизни некоторых людей, также она стала нерентабельной. Несколько дней назад агенты КГБ узнали, чем именно является «Гаргара» и где она находится.

Пробуя разобраться в случившемся 29 июля, что привело к одной из самых больших загадок в истории города, я много раз пытался воссоздать утро Ивана Владимировича. Сейчас я поведаю вам, как это вижу я.

Извините, что я рассказываю очень красочно и подробно о вещах, о которых не имею ни малейшего понятия, таким образом, как будто я сам был свидетелем всего этого. Но после стольких лет работы издателем, просто примите это, как профессиональную деформацию. Иван Владимирович встает около девяти и подходит к окну. Ветки кривой липы опущены вниз, а капли дождя непрерывно скатываются по ним. Долго шел дождь, он не услышал, но сейчас замечает сизые облака, отраженные в огромных лужах на проезде Кривая липа. Возвращается в постель, берет книгу жалоб и благодарностей, открывает ее, по привычке, с конца. *Этого здесь не было!* – говорит он, и начинает читать то, что написано по-русски. Официант, боясь его разозлить, не предупредил, что кто-то еще сделал в ней запись.

На последней странице книги жалоб и благодарностей женщина со шрамом в более поэтичной форме, по сравнению с ранее написанным, выразила соболезнование в связи с землетрясением на ее родине. 26 июля 1963 года все украинские средства массовой информации вещали о землетрясении в Скопье. Когда она была маленькой, то не знала, в чем разница между ней и мальчиком, с которым она проводит время, не знала, что кто-то видит такую разницу, из-за которой увезет ее так далеко от него. Она нарушила обещание, которое дала ему, когда они были маленькие, о том, что они сами вместе уедут из родного села и будут жить в Салониках.

Последняя страница еврейки подтвердила подозрения Ивана Владимировича о том, что все, что написано в его книге жалоб и благодарностей, не случайно. Эта последняя страница и убедила его изменить концепцию неизданного романа и оставить все как есть, чтобы подать книгу для выхода в свет в ее первоизданном виде. Это

означало, что в ней нужно оставить и все, что написали пьяные клиенты. «В этой книге ничто не случайно. Поэтому я издаю ее такой, какой получил из-под карандаша моих клиентов. Остаюсь полностью верен им. Пьяные или трезвые, умные или глупые, веселые или нервные – все они были моими гостями. У меня нет права что-либо убирать. Я боюсь, что и самая большая глупость неким образом может быть связана с окончанием книги», – так написал Иван Владимирович в предисловии.

После этого Иван Владимирович спрячет книгу под плащ и пойдет по улице Дорошенко на проспект Свободы. Сядет на скамейку, которая сейчас расположена возле памятника Тарасу Шевченко. Он все еще не может понять, как такое возможно, чтобы друзей с самого детства из далекой страны, две трагедии, которые пережили их народы, судьба свела в одном кафе, чтобы они писали на двух разных языках, а не на родном. *Как я могу найти Сарафила и Марику? Это – моя миссия, это и было миссией «Гаргары». Нужно было, чтобы они здесь встретились, писали в одной и той же книге, чтобы это понял только я, а потом их нашел и поведал им правду. Может быть, они и не встречались, если приходили в «Гаргару» в разные дни, но если они все же встретились, то точно не узнали друг друга. Я должен их найти!* Решительно встает и направляется к площади Данила Галицкого, где мы должны были встретиться в 10. Встреча была краткой. В его взгляде читалось возбуждение, которое переходило от панического безумия в сконцентрированность Джеймса Бонда на чем-то, что должно скоро произойти. Меня удивило, что последняя страница книги жалоб и благодарностей вообще не была предметом этого двухминутного разговора возле Данила Галицкого. Иван Владимирович, вечно спокоен и горяч,

каким он мне показался на первой встрече, точно не забыл бы сообщить о том, что в романе открылась его суть. Но в этот раз он был обеспокоен и сконцентрирован на чем-то ином.

Сразу же после встречи он возвращается на Кривую липу и идет в «Гаргару», которая в этот день должна была прекратить свое существование. На углу проспекта Свободы и улицы Дорошенко он, возможно, и заметил бы опасно приближающегося агента Желвакова, если бы его внимание не отвлекли проклятые бабы, поющие за деньги на том же углу. Уничтожая «Гаргару», он слышит шаги Желвакова.

То, что потом случилось, не подлежит никакому восстановлению, однозначно противится человеческой логике и уносит «Гаргару» в сферу невозможного. С того дня больше никто не видел ни Желвакова, ни Ивана Владимировича ни живыми, ни мертвыми. Такое впечатление, что их поглотила земля. Паника в КГБ продолжалась несколько дней. Быстро забвение проглотило и Желвакова. Он оставил вдову, которая, никто так и не знает, расплакалась или возрадовалась. В подвалах Кривой липы номер 7 не обнаружено ни единого следа пресловутого кафе, как будто его никогда и не было. Когда коллеги Желвакова вломились, как кровожадные собаки, они увидели лишь пустое помещение, в котором не было ни мебели, ни аромата кофе.

Об Иване Владимировиче еще долго ходили разные слухи, как и сплетня о том, что его арестовали за убийство Желвакова и посадили в тюрьму на улице Городецкая, в которой он заболел туберкулезом и умер. Однако истина так и осталась полностью неизвестной: никто после этого Ивана Владимировича не видел. В городе еще долго спрашивали, действительно ли существовали Иван Владимирович,

Желваков и «Гаргара», или все это лишь образы очередной львовской легенды или советского детектива. И все же Львов известен как город тысяч легенд. Легенда о «Гаргаре» отличается от других, потому что она точно не может быть легендой. Имеются доказательства существования этого кафе.

В тоне Геннадия ощущались завершительные нотки. Он медленно отклонился назад, чтобы облокотиться на спинку кресла, но неожиданно резко подался вперед.

– Есть еще кое-что. Отчество Ивана – Владимирович. Владимир – имя его отца. Но я никогда не слышал фамилии Ивана. Думаю, что о ней умалчивается не случайно. Странное табу, не правда ли?